

Джон Китс

Стихотворения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д42

Д42 **Джон Китс**
Стихотворения / Джон Китс – М.: Книга по Требованию, 2013. – 396 с.

ISBN 978-5-458-25598-1

В книгу вошли полностью первый (1817) и последний (1820) из трех вышедших при жизни Джона Китса (1795-1821) его поэтических сборников. В "Дополнениях" помещены фрагменты поэмы "Эндимион", разрозненные стихотворения поэта и его избранные письма. Издание впервые представляет русскому читателю в столь широком охвате главное из творческого наследия поэта.

ISBN 978-5-458-25598-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1817)

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОСВЯЩЕНИЕ. ЛИ ХЕНТУ, ЭСКВАЙРУ

Краса и слава не вернутся к нам:
Не видеть больше утренней порою,
Как вьется пред смеющейся зарею,
Венком сплетаясь, легкий фимиам;
⁵ Не встретить нимф, спешащих по лугам
Нежногласной праздничной толпою
Колосьями, цветами и листвою
Украсить Флоры ранний майский храм.

Но есть еще высокие мгновенья —
¹⁰ И благодарен буду я судьбе
За то, что в дни, когда под тихой сенью
Не ищут Пана на лесной тропе,
Бесхитростные эти приношенья
Отраду могут подарить тебе.

(Сергей Сухарев)

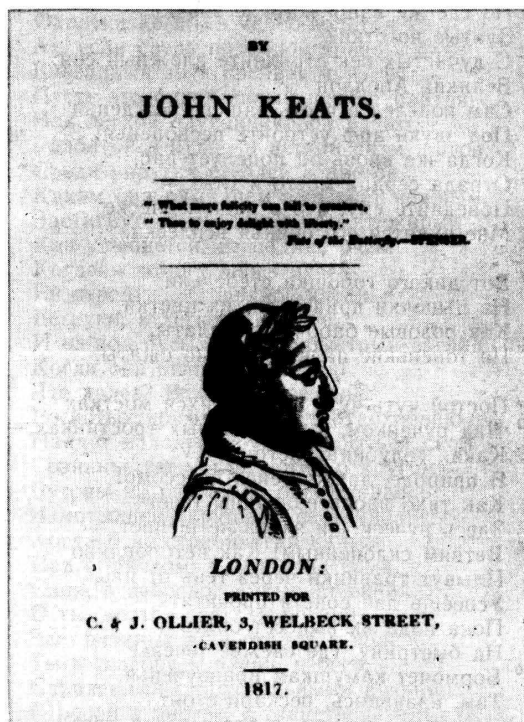

Зеленые края — приют поэтов...

Повесть о Римини

Я вышел на пригорок — и застыл:
Прохладный воздух неподвижен был,
И на цветах, что взоры потупляют
И стебли так стыдливо изгибают
5 От нежного дыханья ветерка, —
Переливались, трепеща слегка,
Алмазы прослезившейся денницы;
И облаков белели вереницы,
Как снежное руно овечьих стад,
10 Что на лугах небесных сладко спят.
Порой лишь проносился шелест краткий,
Как будто сам покой вздыхал украдкой,
Но тени легких веток и листвы
Не шевелились средь густой травы.
15 Я поглядел вокруг, и вид отрадней
Наполнил и насытил взор мой жадный:
Дорога темной свежей полосой
Змеилась и терялась за чертой,
И сочные кустарники на склонах
20 Скрывали русла ручейков студеной.
Так ясно видел я, так широко!
Меркурием, несущимся легко,
Я ощутил себя... И окрыленный
Весной цветущей — розовой, зеленой,
25 Я начал собирать ее подарки
В букет душистый, пышный, нежный, яркий.

О майские цветы в жужжанье пчел!
Вы красите и сад, и лес, и дол;
Люблю, чтобы ракета золотая
30 Вас осеняла, и трава густая
Студила, и темнел бы мох под ней,
Фиалками пронизан до корней.

Титульный лист первого издания «Стихотворений» Китса, 1817 г.

Мне нужен и орешник в колкой плети
 Шиповника, и легкие соцветья
 35 На жимолости, пьющей ветерок;
 И непременно — молодой росток,
 Какие тянутся близ древних буков,
 Из кряжистых корней, как стайка внуков.
 И пусть родник, что бьет из-под корней,
 40 Журчит о прелести своих детей,
 Лазурных колокольчиков; несчастный,
 Он слезы льет об их красе напрасной:
 Они умрут по прихоти людской,
 Оборваны младенческой рукой.

- 45 Но где же ваши жаркие зрачки,
Златые ноготки?
С лучистых век стряхните влажный сон:
Великий Аполлон
Сам повелел в честь вашего рожденья
50 Под звуки арф устроить песнопенья!
Когда же вновь он поцелует вас,
Отрада сердца моего и глаз,—
Поведайте ему, что в вашем блеске
Мне чудятся его сиянья всплески.
- 55 Вот дикого горошка стебельки
На цыпочки привстали: их цветки,
Как розовые бабочки, крылаты,
Но тоненькие пальцы крепко сжаты.
- Постой чуть-чуть на гнущихся мостках
60 Над ручейком, в прибрежных тростниках,—
Какая голубиная истома
В природе, движущейся невесомо!
Как тихо вдоль излучины течет
Здесь ручеек: ни звука не шепнет
65 Ветвям склоненным! Как неторопливо
Плывут травинки через тень от ивы!
Успеешь два сонета прочитать,
Пока вода их вынесет опять
На быстрину, где свежее течение
70 Бормочет камушкам нравоученья.
Там, извиваясь, пескари стоят
Навстречу струям, и блаженство длят
В лучах горячих, смешанных с прохладой,
И не насытившись своей усладой,
75 Брюшком в песок ложатся отдохнуть
На чистом дне; лишь руку протянуть —
Исчезнут вмиг, но стоит отвернуться —
Тотчас же осмелеют и вернутся.
Малютки-волны забегают в зной
80 Под бережок, где в зелени резной
Они остынут и, в прохладе нежась,
Подарят зелени питье и свежесть:
Таков обычай истинных друзей —
Питать друг друга щедростью своей.
85 Порой щеглы посыплются гурьбою
С ветвей, нависших низко над водою,
Попьют чуть-чуть, встряхнутся, щебетнут,
Пригладят перышки — и вдруг порхнут,
Как дети, прочь — и зарябит, мелькая,

- 90 Окраска крыльев черно-золотая.
Ах, если средь подобной красоты
Внезапный звук прервет мои мечты,
Пусть это будет милый шелест платья
Над легкой одуванчиковой ратью,
95 Разбитой в пух,— и легкий ритм шагов
Среди упругих стеблей и цветов.
Каким она румянцем вспыхнет нежным,
Застигнута в раздумье безмятежном!
Как улыбнется, не подняв очей,
100 Когда я помогу через ручей
Ей перейти... О нежное касанье
Ее руки, и легкое дыханье,
И из-под русых прядей быстрый взгляд,
Когда она оглянется назад!
105 Что далее? Вечернее свеченье
Росистых примул,— здесь отдохновенье
Найдет надолго взгляд; забыться сном
Сознание бы могло, когда б кругом
Бутоны на глазах не раскрывались
110 И мотыльки вокруг них не увивались;
Когда б не серебристая кайма
Над облачком; и вот луна сама,
Сияя, в небосвод вливает синий...
О ты, поэтов светлая богиня,
115 Всех нежных душ отрада и краса!
Ты в серебре купаешь небеса,
Сливаешься с хрустальными ручьями,
С росой в листе, с таинственными снами,
Хранишь затворников и мудрецов,
120 Мечтателей бродячих и певцов.
Хвала твоей улыбке благосклонной,
Что к вымыслам склоняет ум бессонный;
Вбирая твой благословенный свет,
Философ мыслит и творит поэт.
125 За строгим рядом строчек стихотворных
Нам видятся изгибы сосен горных;
Неспешное круженье плавных фраз
Боярышником обступает нас;
Когда же вслед за сказкою летящей
130 Мы мчим, вдыхая аромат пьянящий,
Цветущий лавр и розы лепестки
Прохладою касаются щеки;
Жасмин сплетается над головою
С шиповником и щедрою лозою
135 Хмельного винограда; а у ног
Хрустальным голосом звенит поток.

И все забыв, над миром мы взмываем
И по кудрявым облакам ступаем.
Вот так певец безвестный воспарял,
140 Что нам судьбу Психеи описал
И страсть Амура: первые касанья
Их губ и щек, и вздохи, и лобзанья,
Объятий жар, и сладость пылких нег,
И под устами трепет влажных век;
145 Запретной лампы свет — исчезновенье —
И гром и мрак — разлуку — злоключенья,
И как они блаженство обрели
И Зевсу благодарность вознесли.
Так пел и тот, кто, зелени завесу
150 Раздвинув, приоткрыл нам тайны леса,
Где заросли чуть слышно шелестят,
Скрывая быстрых фавнов и дриад,
Танцующих на солнечных полянах
В гирляндах и венках благоуханных.
155 Испуг Сиринги он поведал нам,
От Пана убежавшей по лесам;
О нимфа бедная! О безутешный
Влюбленный бог! К нему лишь ропот нежный
Донесся из прибрежных тростников:
160 Щемящий стон — или манящий зов.

И древний бард, чьему воображенью
Предстал Нарцисс, к воде в изнеможенье
Приникший, — так когда-то бред и он,
И вышел на прелестную как сон,
165 Укромную поляну, где сияло
Лесное озерцо и отражало
Лазурь небес в своей чистейшей глади
И диких веток спутанные пряди.
И тут он увидел простой цветок:
170 Неярок и печально одинок,
Он над водою замер без движенья
И к своему тянулся отраженью,
Не слыша ветра, из последних сил
Тянулся, и томился, и любил.
175 И бард стоял на этом месте чуждом,
Когда виденьем странным и подспудным
Перед его очами пронеслись
Бедняжка Эхо и молодой Нарцисс.

Но где, но на каком краю вселенной
180 Блуждал создатель песни вдохновенной,
Той вечно юной, как чистейший ключ,

Как светлый лунный луч,
Что страннику в ночи дарит виденья
Чудесные — и неземное пенье
185 Доносит от цветочных пышных гнезд
И шелковистого сиянья звезд?
О, далеко! за гранями земного
Нашел поэт чарующее слово,
И в тех волшебных даях встретил он
190 Тебя, божественный Эндимион!

Он, верно, был влюблен, тот бард старинный,
И он стоял над миртовой долиной
На склоне Латма; ветер, легкокрыл,
От алтаря Дианы доносил
195 Торжественные гимны в честь богини,
Вступающей в чертог свой звездно-синий.
Был ясен лик ее, как детский взгляд,
И жертвенного дыма аромат
Ей сладок был, — но над судьбой жестокой,
200 Над этой красотою одинокой
Поэт златоголосый зарыдал
И Цинтии возлюбленного дал.

Царица неба! светлая царица!
Как ни единый светоч не сравнится
205 С тобой, так нет предания светлей,
Чем эта повесть о любви твоей.
Какой язык, медовый и прозрачный,
Сказать бы смог об этой ночи брачной?

Сам Феб в тот вечер придержал коней
210 И осветил улыбкою своей
Твой томный взор, и робость, и желанье,
И тайного блаженства ожиданье.
Погожий вечер свежестью дышал,
В мужей он бодрость юную вливал,
215 И каждый шел, как воин под знамена,
Как гордый Аполлон к подножью трона;
А жены пылкой, трепетной красой
Сравнились бы с Венерою самой.
Прохладного зефира дуновенье,
220 Входя в дома, дарило исцеленье
Больным; кто был горячкой истомлен,
Впал наконец в глубокий, крепкий сон, —
И вскоре пробудился: лихорадка,
Боль, жажда, — все исчезло без остатка,

- 225 И взгляд веселый обращен к друзьям;
А те, не веря собственным глазам,
Воскресшего целуют и ласкают,
И тормозят, и к сердцу прижимают.
А юноши и девы в этот час
- 230 Друг с друга не сводили ярких глаз
И так стояли молча, без движенья,
В тревожном и блаженном изумленье,
Пока стихи не пролилися вдруг.
Никто не умер от бесплодных мук,
- 235 Но рокот строк, в тот миг произнесенных,
Как шелковая нить, связал влюбленных.
О Цинтия! Смолкает робкий стих
Здесь, на пороге радостей твоих.
Поэт ли был рожден в ту ночь? Не знаю...
- 240 Парить в мечтах я дальше не дерзаю.

(Марина Бородицкая)

ВСТУПЛЕНИЕ В ПОЭМУ

О рыцарях я должен рассказать!
С плюмажей белопенных ли начать?
Мне видятся волшебные извивы
Пера, изысканны и горделивы:
5 Молочную волну склоняет вниз
И трепетно колеблет легкий бриз.
Жезл Арчимаго властью чудодейной
Не мог бы сотворить изгиб лилейный
Слепяще белоснежного пера...
10 Сравню ли с ним я наши кивера?
О рыцарях я должен рассказать!
Вот в битву устремляется опять
Отважное копьё. С высокой башни
Взирает дева, как герой бесстрашный
15 Разит ее обидчика: она,
Восторженного трепета полна,
Защитника приветствует с отрадой,
В плащ кутаясь от утренней прохлады.
Когда ж усталый рыцарь крепко спит,
20 Его копьё вода отобразит
Под ясенем, средь неприметных гнезд:
Их в гущине листвы свивает дрозд.
Но буду ли рассказывать о том,
Как мрачный воин яростным копьём,
25 Насупив брови, грозно потрясает,
Как древко в гневе бешено сжимает?
Иль, войнам предпочтя суровый мир,
Влеком он зовом чести на турнир,
Где, зрителей искусством покаяя,
30 Метнет копьё рука его стальная?
Нет, нет! Минуло все... И как дерзну
Я тронуть лютни слабую струну,
Чье эхо слышу меж камней замшелых

- И в темных залах замков опустелых?
35 Сумею ль пир прославить — и вина
Бутыли, осушенные до дна?
А на стене — доспехов мирный сон
Под сенью шелком вышитых знамен;
И славное копье, и шлем с забралом,
40 И щит со шпорою на поле алом?
Красавицы походкою неслышной
Кругом обходят зал, убранством пышный,
Иль стайками, беседуя, толпятся:
Так в небесах созвездия роятся.
45 Но не о них я должен рассказать!
Вот смелый конь — он рыцарю под стать,
И гордый всадник хваткою могучей
Обуздывает нрав его кипучий.
- О Спенсер! На возвышенном челе
50 Лишь лавр напоминает о земле;
Приветлив взгляд и взмах бровей свободен —
Как ясный Феб, твой облик благороден.
Твоим огнем душа озарена
И трепетом возвышенным полна.
55 Великий бард! Мне дерзости хватило
Призвать твой дух, чтоб благодать осенила
Мою стезю. Пусть, милостивый, он,
Внезапностью смущен,
Не возревнует, что другой поэт
60 Пройдет тропой, где лучезарный след
Либертас твой возлюбленный оставил.
Я вымолю, чтоб он меня представил
Смирненным в дерзновеньях новичком
И преданным тебе учеником.
65 Услышь его! Надеждой окрыленный,
Я буду жить мечтой, что скоро склоны
Зеленые увижу я холмов
И цитадели в зарослях цветов.

(Светлана Шик)

